

ГЕСТХАУЗ

В трехэтажном здании гестхауса – гостиницы для иностранцев, жили американцы из «Корпуса мира» – преподаватели английского языка и специалисты по вычислительной технике. Самый молодой преподаватель Стив Лукас американец литовского происхождения имел рост два метра семь сантиметров. Местные ребята приходили в неопишуемый восторг при виде такого гиганта, так как многие были ему по пояс. Конечно, американец играл в баскетбол и при таком росте не стал профессиональным спортсменом из-за плохой выносливости. Стив хорошо играл в настольный теннис и часто приглашал меня по вечерам в спортзал сыграть несколько партий.

На мой взгляд, я играл неплохо, но в официальных соревнованиях никогда не участвовал и не имел спортивного разряда. Высшее мое достижение – две победы над второразрядником в нашем дворе. Китайские студенты и аспиранты тоже играли на любительском уровне. У меня они выигрывали за счет скорости, а я противопоставлял им крученые подачи и подрезанные защитные удары. Игра шла с переменным успехом, но чаще побеждали молодые быстрые студенты.

Стив играл в защитной манере – далеко отходил от стола и подрезал сильные атакующие удары. С таким стилем игры я еще не сталкивался и был весьма рад получить опыт. Вначале я все время атаковал сильными ударами, но легкий мяч быстро терял скорость и длиннорукий американец без труда его принимал и возвращал на самый край моей половины стола в виде свечи. И, когда я уже приновился резать по восходящей свече, хитрый Стив начал их закручивать, так что мяч отскакивал в сторону, и ракетка пролетала мимо него. В конце концов, мне удалось найти брешь в оборонительной манере игры Стива, гоняя его в

разные стороны и к сетке, так что он ошибался. Несколько партий я выиграл.

И тут китайцы устроили нам со Стивом большой сюрприз. Когда мы со своими ракетками и шариками вошли в спортивный зал вычислительного центра там уже сражались настоящие мастера пинг-понга. Их пригласили из института физкультуры специально, чтобы они продемонстрировали нам со Стивом как надо играть в настольный теннис. Ракетки они держали традиционным «перьевым» хватом – большим и указательным пальцами. У меня тоже имелась такая ракетка с короткой ручкой, которой я иногда пользовался. Китайцы играли потрясающе. Я где-то читал, что при игре спортсменов высокого класса мяч движется со скоростью около двухсот километров в час и совершает до ста пятидесяти оборотов в секунду. При этом темп обмена ударами может быть свыше ста двадцати в минуту.

За игрой китайских спортсменов даже трудно было наблюдать – мы не успевали сопровождать мяч взглядом. А они обменивались яростными топ-спинами – атакующими и контратакующими ударами со сверхсильным верхним вращением. При такой технике игры мяч сразу после удара начинает прижиматься к столу за счёт вращения. Они стали играть на счет и один спортсмен выиграл, но и другой мало чем уступал. Мы со Стивом, не сговариваясь, захлопали в ладоши. Китайцы даже смутились от удовольствия.

– Плиз! – обратился к нам победитель, приглашая к игре.

Я толкнул Стива в бок, призывая его идти первым.

Китаец быстро расправился с американцем. У него явно был опыт игры с противниками защитного стиля. Он загонял Стива дальними и ближними ударами.

Следующая очередь была моя. Для игры я выбрал ракетку «сэндвич» с толстой эластичной накладкой на одной стороне, и жесткой с шипами на другой. Толстая накладка

снижает точность попадания и скорость мячей при нанесении коротких атакующих ударов над столом. Зато она позволяет сильнее закрутить мяч.

– Сулянь? (Советский Союз?) – вдруг спросил меня китаец.

– Ленингалэ! (Ленинград!) – с гордостью ответил я тоже по-китайски.

– Ленингалэ! – повторил китаец с явным уважением.

Вдруг мелькнула надежда, что китаец пожалеет ленинградца и не станет обыгрывать меня с разгромным счетом. Но дружба дружбой, а в игре компромиссов нет. Во время короткой разминки китаец так яростно атаковал, что я не успел продумать тактику игры. Мне нечего было противопоставить игроку такого уровня. Даже мои крученые подачи, которые проходили в игре со студентами, он резал быстрыми как выстрел ударами.

В моем арсенале осталась лишь самая хитрая подача, которой во время разминки я воспользовался только один раз и китаец не смог ее принять. Это сильно закрученная кистевая подача на левый край стола противника с боковым и верхним вращением. Обычно противник ожидает стандартного нижнего вращения мяча, срезает его накатом и промахивается мимо стола.

Стали играть на счет. Китаец сделал короткую, подрезанную вниз подачу, при которой мяч, после отскока, опустился на моей половине стола ниже сетки. Такую подачу можно отбивать только обратным подрезом. Но сильно перезакрутить мяч у меня никогда не выходило, и отскок получался высоким. Противник тут же атаковал сверхсильным топ-спином. Все пять подач китайца я проиграл. И сразу начал использовать свою хитрую подачу. Как ни странно китаец проиграл четыре раза подряд, а в пятый, когда он приготовился к повторению комбинации, я не-

ожиданно выдал накатом диагональную подачу с угла на угол. Счет сравнялся.

Такого отпора китаец явно не ожидал. Он собрался и взял четыре очка на своей подаче. Одно очко он мне просто подарил – шарик угодил в сетку. На своей подаче я смог отыграть лишь три очка, и, в конце концов, проиграл. Победитель с уважением пожал мне руку. Я тоже остался доволен.

На этом игра закончилась. Спортсмены играть больше ни с кем не стали, сели на велосипеды и уехали в свой институт физкультуры и спорта.

Жители гестхауза обедали в просторном одноэтажном павильоне, примыкающем к гостинице и кухне. Поэтому, по меньшей мере, три раза в день приходилось общаться с иностранцами. Из всех англоязычных жителей гестхауза проще всего было общаться со Стивом. Он преподавал в университете английский язык и имел явный педагогический талант. Китайские студенты, по его словам, плохо усваивали английский язык из-за стеснительности перед иностранцем. И Стив умел говорить с ними понятно и доходчиво, чтобы раскрепостить ребят. Студенты его просто обожали. Поэтому и мне было легко с ним общаться.

Беседы с остальными американцами, проживавшими в гостинице, у меня как-то не получались, особенно в первые дни. Иногда мне казалось, что у них полный рот горячей каши, и они гоняют ее языком, чтобы не обжечься. И как они умудрялись обучать китайских студентов английскому языку, осталось для меня загадкой. Я понимал их речь с большим трудом, и меня это страшно раздражало. Иногда, я полностью разделял чувства капитана советской подводной лодки, которая в проливе встретила американскую субмарину, идущую встречным курсом.

Капитан американской подлодки на всякий случай лодки предупредил своих офицеров:

«Вы с русскими особо не разговаривайте, а то они языка током не знают, все не так понимают, раздражаются, и начинают орать: «первый отсек, торпедная атака!»»

Когда субмарины поравнялись, капитаны отдали друг другу честь, и американец не выдержал и крикнул нашему:

«Хеллоу, рашен!»

«Кто хреново покрашен? – взревел русский капитан, – Первый отсек, торпедная атака!»

Каждый раз просить американцев повторить фразу, которую я не понял, было неприлично. Подумают еще, что доктор Беляев (так они уважительно меня называли) совсем тупой.

Но однажды в библиотеке я застудил на сквозняке ухо и стал плохо слышать. И тут оказалось, что американцы специально для меня стали говорить громче и разборчивее. Через несколько дней слух наладился, но признаваться в этом совсем не хотелось. У меня даже мелькнула мысль, не поступить ли мне как габбровцу, который вставил в ухо один конец мягкого провода, а другой конец засунул в карман пиджака и объявил: «Слуховой аппарат готов!» На удивленные вопросы близких, он ответил, что лучше слышать не стал, но люди, замечая этот провод, стали говорить громче.

У единственного, проживающего в гостинице англичанина Джорджа было великолепное произношение. Он говорил так красиво и четко, что даже я почти все понимал. Джордж специализировался по четвертичной геологии, и мы с Кусаиновым ходили на его лекцию, посвященную лёссам — осадочным горным породам, которые образовались из принесенных ветром и осевших в предгорьях мельчайших пылинок. Эти рыхлые породы широко распространены на территории Китая. В них древние люди рыли пе-

щеры для жилья, изготавливали кирпичи и цемент. Лёссы являются материнской породой для образования плодородных чернозёмных и серозёмных почв.

Столовая или как говорили американцы «дайнинг рум» располагалась в просторном одноэтажном павильоне, который примыкал к гостинице и кухне. В него можно было попасть либо из гостиницы, либо прямо с улицы. Все рассаживались за длинным столом, каждый на своем постоянном месте. Мне досталось местечко с самого края, почти на углу. Но, это даже удобно когда опаздываешь на обед, не надо беспокоить других людей. Вскоре на стул рядом со мной пересел Кусаинов.

Однажды в декабре я спешил к обеду из библиотеки, и вдруг пошел мокрый снег – прямо как у нас в Ленинграде. Странно видеть заснеженные финиковые и банановые пальмы.

Навстречу шли толпы студентов с прямоугольными алюминиевыми коробками в руках и на ходу палочками быстро поедали из них свой обед. Первое время мне было непонятно, почему обширная студенческая столовая совершенно пуста, а студенты питаются на ходу. Но потом все выяснилось. Оказалось что во время обеденного перерыва, длительностью два часа китайцы традиционно ложатся спать, и студенты экономили время обеда, чтобы поспать подольше. Вначале я никак не мог привыкнуть к этой традиции, так как территория университета во время обеда просто вымирала и никакие службы не работали. Но, постепенно, я тоже привык отдыхать в обеденный перерыв.

На обед я уже опаздывал, а китайские повара это очень не любили, так как сами стремились к послеобеденному сну. Поэтому решил не подниматься к себе в номер, а сразу идти в дайнинг рум.

Американцы уже возблагодарили Господа за хлеб насущный и обедали.

Я снял мокрую от снега куртку и повесил ее на вешалку у входа. Около Кусаинова стояли тарелки с заказанным для меня обедом. Я вымыл руки, достал из буфетной стойки свои индивидуальные палочки для еды – куайцзы, сделанные из красного дерева, сел за стол, и с общего блюда положил себе в тарелку брусок вареного риса.

– Что там, дождь? – Сеит посмотрел на мою мокрую голову.

– Нет, идет настоящий снег.

– А как по-английски снег?

– Снейк, – ответил я, и как всегда по своей небрежности все напутал. Снег по-английски «сноу», а «снейк» – змея.

– Я сейчас американцам сам про снег скажу, по-английски, ладно? – попросил Кусаинов, который и так знал казахский, русский, да еще и китайский. Но полиглотам всегда мало. Так итальянский кардинал Джузеппе Меццофанти никогда не выезжал из Италии, но в совершенстве владел 38 языками и бегло говорил ещё на 30.

– Пожалуйста, говори, – согласился я.

– Снейк, снейк, снейк! – громко выкрикнул Сеит, указывая рукой на дверь.

Но богомольные американки Пэт, Джейн и Кет решили, что началось нашествие змей как в Ветхом Завете, посланных Богом, чтобы покарать их за грехи. Они завизжали и на всякий случай поджали ноги.

Потом Кусаинов долго упрекал меня за подставу, но я уверял его, что просто перепутал слова.

Обычно во время ужина каждый заказывал для себя на следующий день блюда из предлагаемого меню, состоящего из нескольких первых и вторых блюд. Все садились за большой общий стол, составленный из шести сдвинутых

вместе столов и в ожидании, когда принесут заказ, болтали между собой.

Для развлечения скучных обедов я, как умел, каждый день переводил на английский язык один из русских анекдотов. Но американцы и англичанин даже при моем жутком переводе умудрялись сразу схватить соль анекдота и, судя по их реакции, смеялись искренне и от всей души.

Американцам очень понравилась байка про молодого фермера, который из армии написал родителям:

«Я и не подозревал, что в армии так хорошо – здесь можно валяться в постели до шести часов утра!»

Большой успех имели анекдоты про долгожителей, особенно американский вариант:

– На «диком Западе» экскурсовод рассказывает приезжим туристам о том, какой прекрасный климат в их городке, поэтому местные жители отличаются удивительным здоровьем и долголетием. И даже когда открывали новое городское кладбище, то пришлось пристрелить несколько человек, чтобы было кого хоронить.

Американцы тупо молчали и я подумал, что неправильно перевел фразу. Но затем сдержанно засмеялись. И громче всех Джони. Он даже сквозь смех что-то объяснил соотечественникам.

После обеда Джони подошел ко мне, поблагодарил за смешной анекдот и вдруг спросил:

– А зачем открывали новое городское кладбище, если никто не умирает?

То, что можно пристрелить ни за что несколько человек, его почему-то не удивило.

Американцы вели здоровый образ жизни, по утрам бегали и, конечно, не курили, Кусаинов тоже. Иногда, раз в день, я выкуривал трубку. Китайский ароматизированный табак мне не нравился, а пачку нашего «Капитанского», привезенного из Союза я экономил, как мог. Все жители

гестхауса дружно призывали меня окончательно бросить курить. Но отказаться от удовольствия хотя бы раз в день выкурить трубку, оказалось выше моих сил. Для оправдания моего идиотского стремления, во что бы то ни стало угробить свое здоровье, я рассказал американцам очередной анекдот про долгожителей:

– Одного кавказского долгожителя спрашивают:

«Как вы дожили до ста тридцати лет? Наверное, не курили и не пили алкоголь?»

«Я пью и курю, – ответил долгожитель, – иначе я вообще никогда не умру!»

Американцы смеялись с удовольствием.

Англичанин Джордж часто устраивал у себя в номере маленькие приемы по случаю многочисленных английских национальных праздников. На них приглашались все американцы, мы с Кусаиновым, а также китайские коллеги. При этом каждому приглашенному Джордж лично вручал открытку, которая заканчивалась классической фразой: «My God, store our queen!» (Боже, храни нашу королеву!)

Американцы посмеивались над монархическими убеждениями англичанина, считая себя полностью свободными от человеческих предрассудков. Но за обедом, прежде чем приступить к трапезе, американцы под руководством толстухи Пэт дружно молились богу, благодаря его захлеб насущный. Мы с Кусаиновым, уважая их религиозные чувства, переставали есть, и молча сидели до окончания молитвы.

После молитвы Джордж тихо произносил свою здравицу английской королеве.

Перед отъездом в Лондон Джордж устроил прощальное пати (прием) с традиционным скотчем, солеными миндальными орешками и попкорном. Естественно, что все приглашения на прием заканчивались классической фразой: «Боже, храни нашу королеву!»

На другой день после отъезда Джорджа во время обеда в столовой американцы о чем-то оживленно болтали и, как я понял, насмехались над фразой англичанина про английскую королеву.

Американцы убедились, что я знаю анекдоты почти на все случаи жизни, и стали заказывать мне определенные темы. В день после отъезда Джорджа я должен был рассказать заказной анекдот про малограмотного начальника, но такой тонкий, чтобы можно было без всяких последствий рассказать его такому начальнику.

Вечером я перевел на английский, а в обед рассказал анекдот про трех попугаев:

«Сколько стоит этот попугай?» – спросил покупатель у продавца птиц.

«Тысячу долларов», – ответил продавец.

«Почему так дорого?» – удивился покупатель.

«Потому что он умеет говорить».

«А этот попугай, сколько стоит?» – покупатель показал на второго попугая.

«Две тысячи долларов», – ответил продавец.

«Почему так дорого?» – удивился покупатель.

«Потому что он умеет говорить на двух языках».

«Ну, а этот попугай, сколько стоит?» – покупатель указал на третьего попугая.

«Три тысячи долларов», – ответил продавец.

«И на скольких же языках он разговаривает?»

«Он вообще не умеет говорить» – ответил продавец.

«Тогда почему за него назначена такая высокая цена?»

«Потому что два первых попугая называют его шеф (чиф)».

Американцы смеялись, что-то обсуждая между собой. Прежде чем возблагодарить Бога за хлеб насущный и начать есть, Пэт (американка итальянского происхождения)

вдруг посмотрела на меня и спросила, знаю ли я какой-нибудь анекдот про английскую королеву.

«И чтобы с сексом», – хихикнул Джонни.

Даже в отсутствии монархиста Джорджа было бы некрасиво затрагивать честь и достоинство английской королевы. Но, впрочем, я знал анекдот, в котором английская королева просто упоминалась, так же как и Бог, которого американцы уважали больше королевы.

– Туморроу! (завтра) – коротко ответил я.

На другой день я рассказал заказанный анекдот:

– Учительница одной из британских школ на уроке объявила детям:

«Сегодня мы будем писать чисто английское сочинение».

«Что это значит?» – спросил ее мальчик Джон (это английский вариант российского отпетого хулигана Вовочки).

«Вначале надо написать немного о Боге, затем об английской королеве, можно немного секса и, конечно, немножечко таинственности», – объяснила учительница.

Прилежные английские дети стали писать. Через минуту Джон поднял руку и сообщил, что он уже закончил сочинение.

«И что, ты сумел осветить все темы, о которых я говорила?» – удивилась учительница. Она взяла тетрадь Джона и прочла: «О, Боже! – воскликнула английская королева. – Я, кажется, беременна! И самое таинственное – не знаю от кого!?»

Американцы смеялись долго и от всей души. Не зря говорят, что самый искренний смех – злорадный.